

мулы и подогрываются заставили блуда во вновь возникающих русских собраниях. И какую гадкую клевету на русский народ делают эти собрания, возникающие для немецко-татарской пропаганды, называя себя русскими. Они имеют наглость приписывать себе желание охранять устои нашей национальной культуры, отстаивать права нашей национальности, угнетаемой будто бы не царскими правительством, а чуждыми национальностями. Если поверить им, то освободительное движение, написанное на знамени своем „дойлой самодержавие“, есть антирусское движение, созданное врагами России и существующее на немецкой или „жидовской“ деньги (вспомните постыдные цафты редактора Ст.-Петербургских Ведомостей А. Столыгина). Если поверить им, то это освободительное движение и составляет главное препятствие на пути реформы в славянофильском духе; но будь это крамола вь земствъ, мы давно имѣли бы земскій соборъ; но будь работы агитаторовъ, давно былъ бы разрывъ (по мнѣнью Зубатова) рабочій вопросъ и было бы создано совершенное социальное законодательство; но будь массовое отпаденіе отъ церкви сокантоитъ и интеллигенція, мы давно имѣли бы свободу совѣсти и т. д.

Славянофильство, какъ оно вышло изъ рукъ своихъ великихъ основоположниковъ, представляло собою сложную смесь идей глубокихъ и прогрессивныхъ съ проповѣдью тавтологичнаго политическаго романтизма, который тогда же вызвалъ къ себѣ заслуженное прихлебное отношеніе. Славянофилы компрометировали национальную идею тѣмъ, что связывали ее съ самодержавіемъ, видя въ самодержавіи некую форму пароднаго духа. Въ этомъ же великій историческій грѣхъ и ошибка, которыхъ до сихъ поръ не можеть простить имъ русское общество. Вся дальнейшая исторія русскаго сознанія только подтверждала окончательно уничтоженію предвѣщенія, по которому существованіе народнаго духа можно видѣть въ такихъ византийско-татарскихъ истинностяхъ, какъ самодержавіе: стало ясно, что самодержавіе именно антинационально, ибо отрицаетъ и угнетаетъ русскую национальность; идѣвая намордникъ на общественное мнѣніе и скрывая общественную самодѣятельность. Борьба съ самодержавіемъ опредѣляется не только какъ обязанность правственнаго, но и какъ высшая национальная задача. Мы враги самодержавія именно какъ русскіе люди и по имя своего патриотизма. Самодержавіе угнетаетъ русскую культуру, скопичаетъ духовную дѣятельность великаго и даровитаго народа, оксверняетъ всю духовную его атмосферу. Пусть поймутъ антирусскія собранія, что они имѣють дѣло съ коренными, почвенными теченіемъ, которое отрицаетъ самодержавіе, вѣривъ въ великое духовное будущее русскаго народа и во имя этого будущаго. Задача созданія национальной культуры сознана и формулирована теперь какъ прежде всего задачей духовнаго и политическаго освобожденія русскаго народа. Чѣмъ болѣе будетъ выясняться въ общественномъ сознаніи эта истина, тѣмъ ближе часъ освобожденія. Въ разрушеніи славянофильскихъ мнѣній и распространеніи освободительныхъ идей первостепенную роль играетъ, конечно, могучій историческій факторъ, который въ одномъ и неизменно направлеиіи воздѣйствуетъ на русское общественное мнѣніе. Факторъ этотъ само русское самодержавіе. Славянофильство могло еще надѣяться наивенную опору въ эпоху великихъ реформъ, когда молодой царь энергично принялъ за великое дѣло освобожденія крестьянъ. Но уже 70-ые годы были порою разочарованій, послѣ которыхъ за дѣло вытравленія русскіхъ гонимъ отъ славянофильскаго чада принялся Александръ III, этотъ будущій царь престола. Ни одна изъ бывшихъ славянофильскихъ обрацѣнъ въ конституціонализмъ именно Александромъ III. Дѣло его энергично и съ немалымъ успѣхомъ продолжаетъ его преемникъ, эффектно цапавшій свое царствованіе Ходышкой, а шагъ не безъ снѣдка надъ славянофилами пручившій браады правленія благополучно царствующему фонъ-Клеве. Лучшаго пронагандиста конституціонныхъ идей, чѣмъ этотъ послѣдній, нельзя придумать: это учитель съ немецкимъ подангизмомъ, прямолинейностью, методичностью; въ пронагандѣ конституціонныхъ идей среди самыхъ умѣренныхъ элементовъ сдѣдуетъ видѣть специальную миссію г. фонъ-Клеве. Профессора государственнаго права, поддерживающіе славянофильскія мнѣнія, старательно доказываютъ ту мысль, что государственной строй России не деспотическій, а правонный, потому что имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, учреждений и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ (ст. 47). Для возводенія России въ рангъ правонного государства, создается сложнѣйшій обманчивый конструкціи, согласно которымъ царь ограничиваетъ себя надангизмомъ имѣ же самимъ законамъ, причеиъ этому самоограниченію

принимается сила по факта, а закона; при такой конструкціи уничтожается принципиальное различіе между самодержавіемъ и конституціоннымъ образомъ правленія, и вся разница между ними сводится къ различію устройству конституціоннаго законодательнаго органа. Наши государственовѣды чувствуютъ, что признавъ русскій государственный строй деспотіей, азначить его закончмить. Но конструкціи самоограничивающагося монарха не только искусственна и крива, что можеть годиться только для преподаванія на юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ и для славянофильскихъ мнѣній; практика же и непревзятая теорія согласно утверждаютъ, что по дѣйствительной юридической природѣ самодержавія, царь есть не закономѣрный монархъ, каковымъ можеть быть только конституціонный, а деспотъ (употребляя это слово не въ смыслѣ моральной квалификации, а юридической характеристикѣ). Русская монархія есть деспотія, причеиъ современный русскій деспотизмъ, въ отличіе отъ просвѣщеннаго деспотизма, шедшаго въ извѣстность, смыслѣ впереді своего времени и общества, является въ настоящее время, вслѣдствіе противорѣчій, въ которыхъ онъ состоитъ къ общественному мнѣнію, деспотизмомъ полицейскимъ. Самодержавіе по связи съ закономъ — вотъ основная черта нашего государственнаго права. Самодержавіе не способно къ правонарушенію, ибо для него нѣтъ права, и, слѣдовательно, вѣбю нѣтъ права въ странѣ, управляемой самодержавіемъ: общее безправіе передъ абсолютнымъ произволомъ одного. Но если нѣтъ права объективнаго, то нѣтъ и правъ субъективныхъ. Намъ можеть возражать, что фактически въ России есть и право, и законъ, но мы, конечно, и по думемъ отрицать эту очевидность. Однако, не сдѣдуетъ забывать, что существованіе законовъ есть только дѣло фактическаго удобства для самодержавія; это есть вопросъ административной техники, но не права. Самъ по себѣ этотъ фактъ показываетъ, что чистое и послѣдовательное самодержавіе невозможно, по крайней мѣрѣ, въ великомъ культурномъ государствѣ XX вѣка. Самодержавіе дѣйствуетъ въ силу необходимости, когда оно, вопреки своей юридической природѣ, идетъ путемъ конституціонныхъ государствъ. Но что это есть путь фактическаго компромисса, а не юридическаго самоограниченія, изстѣуетъ изъ того, что у послѣднихъ самодержавнаго государства нѣтъ и не можеть быть ни одного прочнаго, надежнаго образомъ гарантированнаго права; ни одного права, которое не могло бы быть отнятоио путемъ односторонняго акта монаршей воли притомъ вопреки закону, точнѣе въ его отнѣну. Поэтому у насъ есть тѣнь права, а не право, есть законы, но нѣтъ законности. Какъ бы рѣдки ни были случаи нарушенія права, но достаточна одна эта возможность для принципиальнаго поколебанія его основъ. Съ точки зрѣнія деспотизма не является противозаконнымъ введеніе почти во всей Европеекой России ноложенія объ усиленной охранѣ, которое отменяетъ дѣйствующіе законы, намѣняетъ порядокъ судопроизводства и т. д. Для деспотизма представляется вѣбю правомѣрной и только что опубликованная мѣра противъ Тверскаго и Новгородскаго земствъ, частично отменяющая „Земское положеніе“. Въ этомъ именно и состоитъ полная безнадежность и инсурреция противорѣчивость русскаго государственнаго строя, что при немъ со стороны Верховной Власти, являющейся единственнымъ источникомъ права, не можеть быть правонарушенія. Самодержавіе принадлежить наша жизнь и смерть; все убійство Юанна Грознаго юридически было правомѣрны. Все правомѣрно, все или... ничего. На этой юридической природѣ самодержавія и основываются главные принципиальные противъ него аргументы и возможность припренія съ нимъ. Самодержавіе можеть быть умелъ или неумелъ, добръ или жестокъ, добилеитъ или деспотичеиъ по своему личному характеру, но онъ во всякомъ случаѣ содержитъ всеиъ права въ себѣ, оставая страну безъ гарантированнаго права и правъ гражданъ. Борьба съ самодержавіемъ есть борьба за право. Право само по себѣ представляетъ высокую идеальную цѣнность, но кроиъ того безъ него не можеть существовать культурная нація, съ отсутствіемъ его мы не должимъ зириться и какъ нравственныя личности, а другою пути къ завоеванію права нѣтъ, кроиъ уничтоженія самодержавія, кроиъ конституціи. Вѣривъ все новое и новые акты пронавола, мы погодуемъ не на самодержавіе, а на самодержавіе, мы трудимъ въ нихъ не частныя ошибки монарха, но законное беззаконіе самодержавія. Юридическое весеніе самодержавія въ соединеніи съ личной ограниченностью и безсиліемъ и дѣлаетъ неизбежнымъ пронаволъ бюрократіи. Наша позиція ясна и недвусмысленна. Мы ничего не ждемъ отъ самодержавія и заранѣе убѣждены въ его полномъ историческомъ банкротствѣ. Но какъ же должимъ относить къ такимъ закономѣрнымъ сор d'état, какъ только что послѣдній тверское земство, тѣ славянофилы, которые вѣрять въ мнѣнію 47 ст. Основныхъ Законовъ и которые въ видѣ тверскаго сор d'état получаютъ повогодній подорокъ? Въдѣ для нихъ такіе акты, какъ высочайшая милость тверскому земству, должимъ представляться величайшимъ правонарушеніемъ, преступленіемъ реальнаго самодержавія противъ

1 Не авторитетъ ли краской стѣны и перегородки лица великаго; но мнѣніе индифферентнаго въ поирсахъ религіи человека при видѣ того, какъ Клеве въ циркулярѣ по поводу Творскаго земства лихорадно беретъ подъ свое поименіе и разнѣе. Больше острого и дѣйствительнаго приобѣди противъ религіи, нежели этого императорскаго циркуляръ полицейскаго тарифа, нельзя себѣ представить.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Издается под редакцией ПЕТРА СТРУВЕ

Содержание.

Война. Ред. — Н. К. Михайловскій. Нефологъ П. С. — Военный юбилей и юбилейная война. I-II. Редактора. — „Предпринимательская политика.“ — Иностранная печать о войнѣ. Н. К. — Новогодний подарокъ нашимъ славнофиламъ. Л. — Рабочее движеніе въ Тифлисе. — Итоги III съезда дѣятелей по техническому образованию. Члены III съезда. — Пропаганда въ войскахъ. (Письмо изъ Севастополя.) — Сообщенія и замѣтки. Отставка Зенгера. — Высылка И. И. Петрункевича. — Положеніе дѣлъ на театръ войны.

Цѣна отдѣльнаго номера 80 пф. = 1 фр.